

Ци Чжу и Сяо Яньюэ наблюдали за этим с крыльца. Слуга Цзя Хуаня, идущий впереди, увидев их, сменил выражение лица на высокомерное и злобное:

— Не мешайте на пути!

Ци Чжу отвёл Сяо Яньюэ в сторону, слегка прищурившись.

Младший брат Цзя осмелился разгромить лавку среди бела дня, а старший брат мог безнаказанно обижать простых людей на глазах у всех. Вся семья Цзя была одинаковой.

Ци Чжу подошёл к Гао Гэну и его жене и спросил:

— Брат Гао, всё в порядке?

Жена Гао Гэна рыдала:

— Мой муж, это всё моя вина... Я просто хотела зачерпнуть каши, но поскользнулась и уронила чашу, облив горячей кашей обувь наложницы Цзя. Я так испугалась...

— Не плачь, ничего страшного не случилось, — утешил её Гао Гэн, затем повернулся к Ци Чжу. — Спасибо за заботу, брат Фу. Эх... Хорошо, что я не потревожил духовный зародыш, и этот удар стоил того.

— Брат Гао, не стоит так унижать себя, — сказал Ци Чжу. — Твоя жена не сделала этого намеренно, к тому же с наложницей Цзя ничего не случилось.

Гао Гэн ответил:

— Эх, брат Фу, как ты можешь так говорить? На свете нет ничего важнее великого бессмертного, а духовный зародыш — это воплощение его силы. Как мы можем его потревожить?

После того как Гао Гэн и его жена ушли, Сяо Яньюэ холодно произнёс:

— На свете нет ничего важнее великого бессмертного? Смешно.

Не говоря ни слова, Ци Чжу понимал, о чём думал Сяо Яньюэ. Если говорить о том, кто на свете самый важный, то это, конечно, император.

Ци Чжу тихо спросил:

— Ты заметил что-то странное в животе наложницы Цзя?

— Беременность в два месяца никогда не может быть такой большой, — ответил Сяо Яньюэ. — В мире нет техник, которые могут заставить женщину забеременеть просто так, но есть способы вызвать вздутие живота, создавая иллюзию.

— Правда?

В этот момент Сяо Яньюэ заметил, что главный защитник и несколько его учеников медленно шли с другой стороны корабля. Окружающие последователи начали кланяться главному защитнику, и он тоже перестал говорить, последовав их примеру.

В ту ночь Сяо Яньюэ снова видел странные сны из прошлого. Он проснулся среди ночи и

увидел, что Ци Чжу, который должен был крепко спать, слегка хмурился, его сон был беспокойным, словно он тоже переживал кошмар.

Сяо Яньюэ почувствовал тяжесть в сердце, размышляя, стоит ли разбудить Ци Чжу, но в этот момент его брови разгладились, и он открыл глаза.

Ци Чжу уставился в потолок, затем медленно перевёл взгляд на Сяо Яньюэ:

— Почему вы, господин глава, тоже не спите?

Сяо Яньюэ спросил:

— Маркиз, тебе приснился кошмар?

Ци Чжу вспомнил сцену из сна, но лишь слегка улыбнулся:

— Не совсем кошмар.

Просто некоторые события прошлого снова предстали перед его глазами.

Едва Ци Чжу закончил говорить, из дальнего конца каюты донёсся торопливый и испуганный шаг.

Сяо Яньюэ тут же встал с кровати и подошёл к двери, открыв её. Он увидел, как из каюты на другом конце корабля выбежала служанка, её лицо было бледным, и она кричала дрожащим голосом:

— Где повитуха?! Где повитуха?! Скорее, помогите! У наложницы отошли воды! Она рожает!

Весь корабль проснулся от этого крика. Две повитухи поспешно выбежали из соседней каюты, а жрицы сразу же окружили каюту семьи Цзя, закрыв глаза и начав читать молитвы.

Ци Чжу, услышав шум снаружи, спросил:

— Жена Цзя Хуаня рожает?

Сяо Яньюэ, глядя в щель двери на бегающих служанок и слуг, ответил:

— Да.

— Интересно, что она родит, — Ци Чжу тоже встал с кровати и надел плащ. — Когда родится духовный зародыш, главный защитник обязательно заставит всех последователей молиться. Выйдем и мы.

Как и ожидалось, жрица вскоре постучала в каждую дверь, сообщая, что духовный зародыш скоро появится на свет, и все должны встать, одеться и преклонить колени на палубе, молясь за наложницу и зародыш.

Когда Сяо Яньюэ и Ци Чжу вышли, они услышали душераздирающие крики женщины из каюты Цзя, перемежающиеся с голосами служанок и повитух. Вёдра с кровью выносили одно за другим.

Другая наложница Цзя Хуаня ещё не рожала, и, чтобы она не испугалась кровавой сцены, служанки вывели её на палубу и посадили на мягкое ложе.

Наложница, завёрнутая в лисью шубу, сидела, нервно слушая крики из каюты, её лицо было бледным от страха, и она дрожала, держась за руку служанки.

Главный защитник подошёл с кормы корабля. Он остановился перед молящимися и с серьёзным выражением лица произнёс:

— Когда рождается духовный зародыш, мать неизбежно страдает. Перед великим благословением всегда приходится пройти через испытания. Ученики, молитесь за духовный зародыш.

Все, стоявшие на палубе на коленях, хором ответили:

— Слушаем наставления главного защитника.

Крики женщины из каюты продолжали раздаваться, и одна из служанок выбежала из комнаты, упав на колени перед главным защитником и рыдая:

— Господин главный защитник, у наложницы сложные роды! Она всё время кричит от боли, но ребёнок... ребёнок не выходит! Пожалуйста, спасите её!

Главный защитник слегка поднял веки и спокойно сказал:

— Не беспокойтесь. Духовный зародыш не только питается от тела матери, но и обладает силой великого бессмертного. Естественно, наложнице будет трудно.

В это время в каюте женщина лежала на спине, её лицо было багровым, живот вздулся, но, несмотря на все усилия, ребёнок не появлялся. Повитухи и служанки были в ужасе, а Цзя Хуань сидел на стуле, его лицо было землистым, и он дрожал, слушая крики жены.

Служанка, выбежавшая из комнаты, вернулась, и Цзя Хуань схватил её, спрашивая с тревогой:

— Что сказал главный защитник?!

Служанка рыдала:

— Молодой господин, главный защитник сказал, что наложница должна пройти через эти страдания... Не беспокойтесь...

Повитуха, покрытая потом, продолжала помогать наложнице, которая корчилась от боли, и велела служанкам поить её отваром для стимуляции родов. Она смотрела на посиневшее лицо наложницы и на живот, который не уменьшался, а, наоборот, становился всё больше, и её лицо выражало ужас:

— Что-то не так... что-то не так! С животом наложницы что-то не то!

В мгновение ока живот наложницы раздулся, словно воздушный шар, но сама она, казалось, перестала чувствовать боль. Она лежала на кровати, бледная и неподвижная, уставившись в потолок с пустым взглядом.

Цзя Хуань вскочил со стула, крича:

— Что происходит?!

В этот момент раздался глухой хлопок, и раздутый живот сдулся, как проколотый шар.

Кроваво-красное пятно начало распространяться по одеялу, покрывавшему живот.

Из-под одеяла выползла маленькая чёрная змея, окровавленная, с тёмным предметом во рту.

Все, кто молился на палубе, слышали душераздирающий крик из каюты. Они обернулись и увидели, как Цзя Хуань выбежал из комнаты, крича в ужасе и дрожа всем телом.

Цзя Хуань кричал:

— Змея... змея... наложница родила змею!

Он продолжал бормотать, пока не упал в обморок, потеряв сознание от ужаса.

Служанки, слуги и повитухи в каюте были в панике, все они выбежали из комнаты, их лица были бледными, а души, казалось, покинули тела.

Чёрная змея выползла из каюты, оставляя за собой кровавый след. Она проползла по телу Цзя Хуаня, её окровавленная чешуя мерцала зловещим светом.

Последователи на палубе замерли, ошеломлённые, не веря своим глазам.

В этот момент главный защитник прыгнул вперёд, приземлившись перед змеей, и вытащил из её пасти чёрный предмет.

Главный защитник спрятал предмет за пазухой и тихо прошептал:

— Получилось...

Змея зашипела, её чешуя вздыбилась, и она бросилась на главного защитника. Но он вытащил из рукава серебряную иглу толщиной с палец и пронзил ей раскрытую пасть змеи. Игла вышла с другой стороны, и змея упала на пол, свернувшись в клубок и перестав двигаться.

<http://bllate.org/book/16247/1461368>